

*Овсянников В.В.**

Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода

Аннотация: В период V–III вв. до н. э. в среде населения лесостепного Предуралья были популярны поясные застежки в виде крючков. В настоящий момент мы располагаем сведениями о 28 металлических крючках. Все они происходят из памятников кара-абызской культуры. Среди крючков встречены изделия как цельнометаллические (бронза или железо), так и биметаллические (бронза и железо). На щитках всех крючков имеются зооморфные изображения или орнамент. Наиболее распространены изображения медведя, кошачьего хищника и «фантастического хищника». Анализ изображений позволяет прийти к мнению, что одним из основных источников образцов для подражаний у кара-абызских мастеров являлись изделия среднедонских скифов, савроматов Южного Приуралья, а также пока неизвестного источника.

Ключевые слова: лесостепное Предуралье, металлические поясные крючки, звериный стиль, скифский период, кара-абызская культура

УДК 902.01/7.031.1

Abstract: During the 5–3 centuries BC among the population of the forest-steppe Cis-Urals, belt fasteners in the form of hooks were popular. At the moment we have information about 32 metal hooks. All of them come from the monuments of the Kara-Abyz culture. Among the hooks there are products both all-metal (bronze or iron) and bimetallic (bronze and iron). On the shields of all hooks there are zoomorphic images or ornaments. The most common images are of a bear, a feline predator and a “fantastic predator”. An analysis of the images allows us to come to the conclusion that one of the main sources of role models for the Kara-Abyz masters was the products of the Middle Don Scythians, the Savromats of the Southern Urals, as well as a still unknown source.

Key words: forest-steppe Cis-Urals, metal belt hooks, animal style, Scythian period, Kara-Abyz culture

В данной статье¹ мы рассматриваем небольшие металлические изделия крюкообразной формы, имеющие на противоположной от крюка (застежки) стороне крепежную часть (приемник). Изготавливались крючки, как из железа, так и из цветных металлов (бронза, серебро, золото), встречаются также биметаллические образцы. В литературе дискутируется вопрос о функциональном

* *Овсянников Владимир Владиславович* – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (e-mail: atliural@yandex.ru)

¹ Хочу выразить благодарность недавно ушедшему от нас Валерию Ивановичу Гуляеву. Именно он неоднократно высказывал мысль о необходимости систематизировать данные о поясных крючках кара-абызской культуры.

назначении этих предметов. Предполагаются два назначения: в качестве поясной застежки и/или колчанного крючка. На наш взгляд эти предметы использовались двояко. Могли служить как поясные застежки, об этом недвусмысленно говорят, как изображения на статуях из Усть-Юрта², так и находки крючков в составе поясных наборов. Также могли быть принадлежностью снаряжения для ношения колчана. Последнее подтверждается большим количеством совместных находок с колчанными наборами в погребениях. Думается, вопрос о способе использования крючков нужно решать отдельно для каждого культурного образования и хронологического периода.

В данной публикации мы намерены рассмотреть только те изделия, которые служили в роли поясных застежек. Эта функциональность реконструируется в первую очередь местоположением в области пояса погребенного при отсутствии других типов застежек. Таковых на настоящий момент нам известно 15 экземпляров. Это металлические изделия, происходящие из Уфимского, Шиповского, Охлебининского и Биктимировского II могильников кара-абызской культуры (рис. 1, 2–5). Четырнадцать крючков-застежек происходит из комплексов с женским составом инвентаря. Каких-либо воинских атрибутов в этих погребениях не найдено. В трех из этих комплексов крючки-застежки найдены в составе поясных наборов (Уфимский (погр. 13), Шиповский (кург. 4, группа I), Охлебининский (погр. 85) могильники). Один экземпляр происходит из воинского комплекса, где он найден в области пояса погребенного (Биктимировский II (погр. 6) могильник). Еще два крючка найдены вне погребальных комплексов на Уфимском и Охлебининском могильниках.

Эта группа крючков выделяется декоративностью оформления. Лицевая часть крючков украшена в зверином стиле, имеет либо орнамент, либо вычурную форму. Также эти крючки представляют собой хронологически очень компактную группу. В свое время А.Х. Пшеничнюк погребения, куда входят и комплексы с крючками, отнес к IV–III вв. до н. э.³

Группа богато декорированных металлических крючков происходит также из памятника Курмантау 8/9. Здесь обнаружено 11 изделий. Большинство этих крючков происходит из грабительских находок. Произведенные по следам мародеров, археологические раскопки показали уникальность данного памятника. Поселенческий слой либо остатки захоронений здесь отсутствуют. Культурный слой представлен остатками металлургических площадок двух культур курмантау (VII–VI вв. до н. э.) и кара-абыз (V–III вв. до н. э.). Слой насыщен кальцинированными костями животных (по определению остеологов – следы добычи костного угля), всплесками металла, фрагментами шлака, литейных форм и

² Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. Рис. II, 17, 18.

³ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. 5 / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 171, 172.

каменных орудий, применявшихся в производственном процессе⁴. В 2014 г. удалось зафиксировать *in situ* комплекс вещей, состоящий из железных ножа, наконечника копья и крючка, оформленного в зверином стиле. Вещи лежали компактно, на одной глубине. Наконечник копья был воткнут в землю вертикально, практически на две трети своей длины⁵. Остальные предметы, также изготовленные из металла, были найдены, разрозненно на площади около 50 × 50 м. Предварительно, данный памятник можно связать с отправлением каких-то ритуалов на производственной площадке и соответственно связанных с металлургией. В пользу этого говорит то, что все найденные вещи изготовлены из металла (каменные, глиняные и костяные предметы отсутствуют), а также – рядом находится селище Курмантау – металлургический центр кара-абызской культуры⁶. Данный производственный комплекс по совокупности находок можно датировать V–III вв. до н. э.

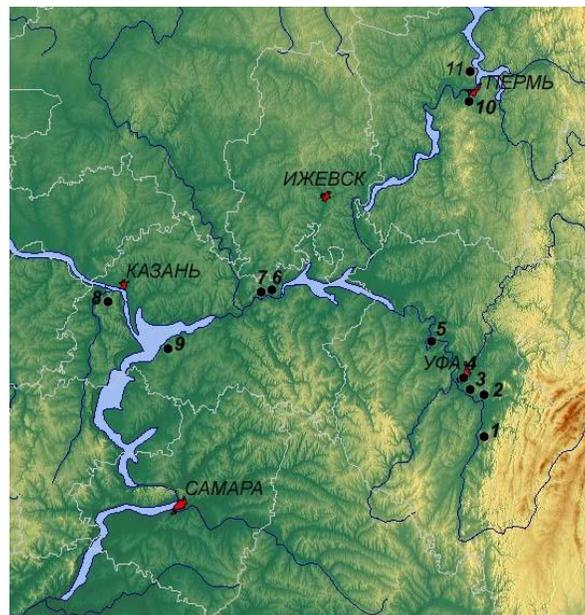

Рис. 1. Металлические поясные крючки в Волго-Камье: 1 – Курмантау, 2 – Охлебинино, 3 – Шипово, 4 – Уфа, 5 – Биктимирово, 6 – Грохань, 7 – Ананьино, 8 – Чурачики, 9 – Новомордово I, 10 – Заюрчим I, 11 – Скородум

Таким образом, в целом мы располагаем сведениями о 28 металлических крючках раннего периода (V–III вв. до н. э.) кара-абызской культуры Предуралья, которые можно отнести к разряду поясных. В синхронных материалах кара-абызской культуры встречаются также и единичные находки металлических крючков, служивших в качестве принадлежности колчанных наборов. Все они встречены

⁴ Воробьева С.Л. Металлообработка эпохи раннего железа по материалам исследований металлургического комплекса горы Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 345, 346.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Под ред. А.П. Смирнова, Р.Г. Кузеева. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 58–64; Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 78–81.

вместе с наконечниками стрел и отличаются простотой оформления. Наибольшее распространение эти изделия получают в мужских комплексах II–I вв. до н. э. Оформление металлических крючков в этот период значительно упрощается, подавляющее большинство из них изготовлено из железа. Встречаются они исключительно в мужских комплексах, как вместе с наконечниками стрел, так и без них. В качестве поясных застежек в этот период у мужчин и женщин начинают применяться совершенно другие изделия. В пьяноборских древностях рубежа эр сохраняется традиция использования металлических поясных крючков как атрибута женского костюма. Впоследствии в женском пьяноборском комплексе наиболее узнаваемым атрибутом становятся так называемые «эполетообразные застежки», происхождение которых связано с поясными крючками скифского периода.

Впервые классификация крючков-застежек скифского времени была предложена В.И. Гуляевым⁷. Впоследствии автор развил свои взгляды в монографическом исследовании⁸. В этих работах были описаны лишь крючки, лицевая часть которых украшена зооморфными изображениями. В основу классификации был положен мотив-образ того или иного животного, изображенного на крючке. Выделяются мотивы медведя, хищной птицы, оленя, кошачьих и волчьих хищников, а также мотив «фантастического хищника»⁹.

Классификация, включающая весь обширный массив крючков, предложена В.С. Ольховским. Она основана на группировках по морфологическим и конструктивным элементам: общей форме крючка; форме крепежной части (приемника); системе крепежа¹⁰. Согласно этому делению крючки, рассмотренные В.И. Гуляевым, относятся к группе фигурно-пластинчатых¹¹. Эту группу от прочих также отличает наличие зооморфного или иного орнаментального оформления¹².

Существует также попытка применить принципы классификации В.С. Ольховского к поясным крючкам скифского времени с территории Верхнего Приобья¹³. Судя по статье, большинство крючков можно отнести к группе дротовых и полупластинчатых. Фигурно-пластинчатые крючки с зооморфным оформлением в данной выборке отсутствуют.

При анализе кара-абызских крючков нами будут использованы обе классификации, так как применительно к нашей выборке подходы В.И. Гуляева и В.С. Ольховского не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Все рассматриваемые крючки относятся к группе фигурно-пластинчатых. По системе крепления выделяются крючки с одним шпеньком, развернутым поперек оси крючка (11 экз.); с

⁷ Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время М., 1969. (МИА. №151).

⁸ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

⁹ Там же. С. 46–65.

¹⁰ Ольховский В.С. Указ. соч. С. 183.

¹¹ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... С. 68.

¹² Ольховский В.С. Указ. соч. С. 185.

¹³ Головченко Н.Н. Проблемы типологии и интерпретации поясных крючьев эпохи раннего железа юга Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. № 3: Археология и этнография. 2018.

одним ушком-скобой, развернутой поперек или вдоль оси крючка (6 экз.); с двумя ушками – поперек оси крючка (10 экз.) и с тремя ушками – поперек оси крючка (1 экз.).

Среди изображений на кара-абызских крючках выделяются три основных мотива: медведя, «фантастического хищника» и кошачьего хищника (21 экз.). Остальные представлены единично (7 экз.).

Мотив медведя встречен на шести крючках. Эта группа разнообразна по стилю изображений и деталей крепежа. Две бронзовых застёжки с крюком в виде птичьей головы и фигурой медведя, расположенной поперек оси крючка чрезвычайно схожи со среднедонскими изделиями (рис. 2, 1, 2). При этом полностью совпадает и система крепления – т-образный шпенек, характерный для большинства поясных крючков среднедонской культуры. Такие детали как завитки на теле животных, акцентирующих лопатку и бедро, массивная, опущенная вниз голова, небольшой округлый «колечком» хвост, мощные лапы с четко обозначенными пальцами находят почти полные аналогии в скифских изображениях, объединяемым А.Р. Канторовичем в «кащеевско-колбинский» тип, ядром которого являются среднедонские изображения¹⁴. Наиболее близки кара-абызским изделиям изображения из Колбино и Русской Тростянки¹⁵. Сильная «стертость» деталей кара-абызских образцов наводит на мысль, что в качестве моделей для их отливки могли служить непосредственно изделия со Среднего Дона. Птичьи головы на кара-абызских застёжках также несут те же признаки «стертости».

Близок этим изображениям крючок из Курмантау (рис. 2, 4). Пропорции застёжки заметно изменены – крючок короче. Фигура медведя и птичья голова сильно стилизованы. Завитки на теле медведя переданы как окружности, остальная детализация отсутствует. В качестве крепления служит уже скоба. Стилистически близка этим крючкам застёжка из Биктимировского II могильника (рис. 2, 7). Крючок оформлен в виде птичьей головы, Фигура животного на щитке имеет синкретичные черты. Поза с подогнутыми ногами и повернутой назад головой характерна для среднедонских крючков с изображением оленя, лани или кошачьего хищника¹⁶. В нашем случае животному были приданы черты хищника: конечности оформлены в виде когтистых лап, а не копыт. Также имеется короткий хвост, не характерный для изображений кошачьих хищников. Крепежом этого крючка, как и у среднедонских изделий, служил т-образный штифт.

Изображение животного на щитке железной застёжки из Шиповского могильника сохранилось не полностью (рис. 2, 3). Имеется четкий абрис лобастой головы с округлым ухом, характерный для медвежьих изображений. Позу животного можно реконструировать, как стоящую с опущенной головой. Собственно, крючок простой формы. В качестве крепежа служил т-образный штифт.

¹⁴ Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 149–151.

¹⁵ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... Рис. 2, 3, 5.

¹⁶ Там же. Рис. 23–25.

Биметаллический крючок с изображением двух протом медведя отображает уже иную традицию, несвойственную среднедонским застежкам (рис. 2, 5). Он воспроизводит местную прикамскую традицию изображения медведей, встречающуюся на ананьинских костяных гребнях¹⁷. В качестве крепежа здесь служит округлая скоба. Близка ананьинским изображениям и застежка с фигурой медведя, расположенной вдоль оси крючка (рис. 2, 6). Здесь медведь изображен также в профиль, но лапы его согнуты. Это напоминает, известную в искусстве скифского времени позу «припавшего к земле» животного. В ананьинских древностях медведи в подобной позе встречены на бляшке из Мурзихинского I могильника¹⁸ и на бронзовой рукоятке ножа из Шиховского могильника¹⁹. Кара-абызское изделие с ананьинскими сближает также оформление морды и плеча животного спиральными завитками. Оригинальна также система крепления этой застежки: три небольших полукруглых скобки.

Хронология изображений выглядит следующим образом. Бронзовые крючки из Шипово, Охлебинино и Биктимирово II, копирующие среднедонские образцы, а также железный крючок (рис. 1, 3) найдены в погребальных комплексах, отнесенных А.Х. Пшеничнюком к периоду IV–III вв. до н. э. Наиболее близкий по изображению крючок из Колбино 1/9 датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.²⁰ Учитывая вторичность кара-абызских изделий наиболее вероятной датой для них может служить конец IV– рубеж IV–III вв. до н. э. Биметаллический крючок из Шипово найден в комплексе III–II вв. до н. э. Предметы из Курмантау найдены вне комплексов, но по своему облику также не могут быть отнесены к периоду ранее IV в. до н. э.

Рис. 2. Поясные крючки кара-абызской культуры с изображением медведя: 1 – Шиповский КГМ, Гр. I, кург. 4; 2 – Охлебининский могильник, погр. 85; 3 – Шиповский КГМ, Гр. I, кург. 9, погр. 7; 4, 6 – Курмантау 8/9, пм; 5 – Шиповский КГМ, Гр. III, кург. 2, погр. 6; 7 – Биктимировский II могильник, погр. 6; 1, 2, 4, 6, 7 – бронза; 3 – железо; 5 – бронза, железо

¹⁷ Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1 (21). Рис. 1, 11, 12.

¹⁸ Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Первый Мурзихинский могильник // Проблемы Среднего Поволжья / Сост. С.И. Валиуллина. Казань: Казанский университет, 1991. Рис. 7.

¹⁹ Васкул И.О. Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. (Научные доклады. Коми научный центр УрО РАН. Вып. 451). Рис. 13, 12.

²⁰ Савченко Е.И. «Забывтый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА. 2001. № 4. С. 158.

Крючки с изображением кошачьего хищника стилистически представляют собой компактную группу (рис. 3). К ним относятся три изделия. Животные изображены в профиль, стоящие на полусогнутых лапах с опущенной головой с различной степенью детализации. На всех крючках животные имеют характерное для изображений кошачьих, поджарое тело и длинный хвост. Крючки имеют на всех изделиях простую форму, без дополнительных изображений. Лишь у крючка из Курмантау имеются следы некоего орнамента в виде продольных линий-желобков (рис. 3, 2). Все изделия крепились с помощью т-образного штифта. Данная группа изделий не находит аналогий среди зооморфных изображений на застежках Среднего Дона и окружающих его территорий. Простое оформление крючка также не характерно для среднедонской традиции оформления поясных застежек скифского времени. Вероятно, эта группа кара-абызских изделий связана с какой-то другой, но тоже степной традицией. Наиболее близок к ней крючок из кургана 4 Филипповского I могильника²¹. На этом железном изделии, обернутом в золотую фольгу, нанесено профильное изображение «припавшего к земле» кошачьего хищника. Среди образцов савроматского звериного стиля нет точных аналогий изображениям на кара-абызских крючках. Однако, профильные изображения стоящих кошачьих хищников нередки на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, встречаются они также и в лесостепном Зауралье²².

Только один экземпляр из этой группы встречен в закрытом комплексе Шиповского могильника (рис. 3, 1), отнесенном А.Х. Пшеничнюком к периоду IV–III вв. до н. э. Аналогия крючкам из Филипповского 4 кургана может быть датирована в пределах существования некрополя конец V - третья четверть IV в. до н. э.²³ Опираясь хронологически на эту единственную находку можно в лучшем случае как на показатель нижней даты, а также как указатель направления культурных связей. Учитывая, близость в оформлении крючков кара-абызской группы, они не могут иметь большой хронологический разрыв между собой. Однако для сужения имеющейся даты IV–III вв. до н. э. пока недостаточно данных.

Рис. 3. Поясные крючки кара-абызской культуры с изображением кошачьего хищника: 1 – Шиповский КГМ, Гр. I, кург. 9, погр. 2; 2 – Курмантау 8/9, пм; 3 – Курмантау 8/9, шурф 2014; 1, 2 – бронза; 3 – железо

²¹ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... Рис. 42.

²² Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 69–74.

²³ Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. С. 182.

Третья группа поясных застежек наиболее многочисленна (12 экземпляров) и объединена разными вариациями изображения «фантастического хищника» (рис. 4). Стилистически наиболее ранним, возможно даже исходным, является изображение на биметаллическом изделии из Курмантау (рис. 4, 6). На бронзовом щитке застежки отлито изображение головы хищника очень близкое бронзовому крючку из раскопок И.Р. Аспелина на Ананьинском могильнике²⁴. Из Донского региона также наиболее близок хищник на крючке из кургана 25 Сладковского могильника²⁵. Железный крючок простой формы, сохранился не полностью. Крепился крючок-застежка с помощью т-образного штифта. Последняя деталь также сближает курмантауское изделия с донскими образцами.

Комплекс из Сладковского могильника датируется V в. до н.э.²⁶ Экземпляр из Ананьино, по мнению А.Р. Канторовича, вместе с крючками из Частых курганов и Мастюгино являются репликами Сладковского изделия и могут быть датированы второй половиной IV – началом III вв. до н.э.²⁷ Учитывая стилистическую близость предметов из Ананьино и Курмантау, последний также можно датировать в тех же пределах.

Остальные изделия данной группы значительно отличаются от описанного образца. Изображение на щитке «фантастического хищника» крайне стилизовано. Открытая часть передана V-образным окончанием щитка с оставленными перемычками, которые символизируют оскаленные зубы. Глаза, уши и окончания морды животного переданы с помощью напаянных на основу щитка туго скрученных спиралей (рис. 4, 1–4, 7, 8). К ремню эти изделия крепились с помощью двух широких скоб. К этой группе также тяготеет еще один крючок из Курмантау (рис. 4, 5). По общей форме щитка и типу крепежа он идентичен изделиям группы. Однако, изображение имеет скорее растительный, нежели зооморфный характер. Однако приемы передачи изображения (спиральный орнамент) аналогичны.

Предметы, найденные в Уфимском, Охлебининском и Шиповском некрополях, происходят из комплексов IV–III вв. до н. э. Более узкая датировка пока не представляется возможной. Соответственно находки из Курмантау 8/9, найденные вне комплексов также сложно хронологизировать более точно.

Оставшиеся семь образцов застежек представляют собой совершенно оригинальные изделия, не входящие ни в одну из выделенных групп. Поясная застежка из погребения 24 Уфимского могильника имеет округлый щиток со сложным изображением и крепежем на обороте в виде двух небольших скоб (рис. 5, 1). В центре щитка слабо угадывается, возможно, антропоморфная фигура, вписанная во внутренний круг. Внешний контур щитка формирует ажурный псевдолепестковый

²⁴ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... Рис. 53. К сожалению, в публикации В.И. Гуляева приведена не совсем корректная прорисовка этого предмета. Фото и рисунок, имеющийся в диссертационной работе Ст.А. Васильева, точно передает детали предмета (Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 258).

²⁵ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... Рис. 51.

²⁶ Максименко В.Е. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983. С. 31.

²⁷ Канторович А.Р. Указ. соч. С. 201.

орнамент. В месте перехода щитка в крючок – узкий ободок. Сам крючок имеет орнитоморфное оформление, где сам крючок изображает птичий клюв, а округлые утолщения по краям – глаза, при этом в голове предполагаемой птицы – углубление почти кубической формы. Этот стиль изображения совершенным образом отличается от среднедонской традиции птицеголовых крючков. Интерпретация изображений этой застежки осложняется, тем что, как и многие из кара-абызских изделий, она является довольно грубой репликой какого-то первоначального предмета.

Несколько схож по форме, крючок из Шиповского могильника (рис. 5, 3). Он также имеет округлый щиток. Однако он изготовлен крайне небрежно. Центральное изображение превратилось в беспорядочный набор бесформенных фигур. Более или менее четко воспроизведен лишь внешний контур – он сохранил псевдолепестковый абрис. Сам крючок застежки выполнен в простом оформлении без орнамента. Пропорции и размер его также сильно отличаются от уфимского образца.

Рис. 4. Поясные крючки кара-абызской культуры с изображением «фантастического хищника»: 1 – Охлебининский могильник, погр. 4; 2, 4–6 – Курмантау 8/9, п.м.; 3 – Уфимский могильник, погр. 2; 7 – Шиповский КГМ, Гр. I, кург. 5, погр. 1; 8 – Уфимский могильник, погр. 4; 1–5, 7, 8 – бронза; 6 – бронза, железо

Совершенно оригинально и даже чуждо на фоне кара-абызского материала выглядит застежка из погребения 34 Охлебининского могильника (рис. 5, 2). Изображение на щитке, хоть и выполнено с технологической точки зрения вполне удовлетворительно, однако семантически не читаемо. Оно состоит из сложного набора полукружий и затейливых завитков. Какие-то конкретные зооморфные образы в нем не угадываются. Непосредственно крючок вдоль контура украшен так называемым двойным псевдошнуровым орнаментом. Конец крючка простой формы и не несет каких-то дополнительных изображений. Однако, на внешней стороне оконечности крючка имеется две небольших петельки, вероятно служащих как какой-то дополнительный крепеж. Эта деталь не встречена ни на одном из известных нам застежек-крючков Восточной Европы. Основной крепежной деталью крючка является т-образный штифт.

По поводу трех вышеописанных образцов, можно с большой долей вероятности утверждать, что здесь мы имеем дело с какой-то неизвестной пока традицией или традициями, не вписывающимися в известные нам образы скифо-савроматского звериного стиля. Территория происхождения прообразов этих предметов тоже пока остается под вопросом. Во всяком случае поиски нужно вести вне ареалов распространения скифского и савроматского звериных стилей.

Изделие из погребения 19 Уфимского могильника не несет на себе зооморфных образов, однако имеет довольно оригинальную форму (рис. 5, 4). Щиток имеет ажурную сердцевидную форму. У перехода щитка в крючок нанесены две насечки, вероятно имитирующие «ободок», более рельефно выделенный на крючке из погребения 24 того же некрополя. Сам крючок простой формы без орнамента. В качестве крепежа служит скоба.

Также не имеет зооморфной составляющей и щиток застежки из погребения 13 Уфимского могильника (рис. 5, 5). Щиток застежки имеет крестообразную форму, с окружностями на концах креста, напоминая карточный знак «треф». Края щитка и пластина крюка оформлены плоским кантом. Оформление самого крючка представляет собой несовершенную реплику орнитоморфного окончания застежки из погребения 24 того же некрополя (рис. 5, 1). Крепежом для застежки служил т-образный штифт.

Все вышеперечисленные предметы происходят из погребальных комплексов, относимых к периоду IV–III вв. до н. э. Поскольку они не имеют аналогов на близлежащих территориях, уточнение их хронологической позиции пока не представляется возможным.

Имеется также две находки с памятника Курмантау 8/9. Одна представляет собой железный пластинчатый крючок с зооморфным изображением на лицевой стороне (рис. 5, 6). В качестве крепежа – т-образный штифт. У животного изображенного на крючке хорошо читается длинная морда, два овальных глаза и вытянутое тело, как продолжение общего абриса изделия. Вдоль тела и морды нанесены продольные линии. Некоторой аналогией этому изделию, на наш взгляд, являются редуцированные изображения кабана, встреченные на Среднем Дону и выделяемые А.Р. Канторовичем в «мастюгинско-колбинский» тип, объединенный изображениями «схематичной удлинённой веретенообразной головы кабана», датируемый в пределах конца V – первой трети III в. до н. э.²⁸ Одним из образцов этого типа является изображение головы кабана на пояском биметаллическом крючке из Мастюгино²⁹.

Бронзовый крючок с изображением головы верблюда из Курмантау 8/9 (рис. 5, 7) имеет уплощенную форму. Голова верблюда показана реалистично, выделен хохолок, каплевидный глаз, оскаленная пасть и массивное ухо, развернутое перпендикулярно плоскости остального изображения. По контуру крючок имеет одинарный псевдошнуровой орнамент. Собственно, крючок не имеет дополнительных украшений и

²⁸ Канторович А.Р. Указ. соч. С. 548.

²⁹ Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки... Рис. 45.

является продолжением формы всего изделия. В качестве крепежа использовалась угловатая скоба близкая по форме креплению у крючка с изображением медведя (рис. 2, 4).

По мнению Н.С. Савельева, этот крючок переделан из уздечной подвески – имитации кабаньего клыка путем механического загиба окончания³⁰. Стилистически изображение головы верблюда на крючке также можно отнести к кругу подобных изображений в древностях ранних кочевников Южного Урала и датировать первой половиной V в. до н.э., однако учитывая факт вторичного и длительного (судя по следам износа) использования, эту дату можно несколько омолодить³¹.

Таким образом, наиболее ранним из представленной выборки крючков-застежек является крючок с головой верблюда к V в. до н. э. (рис. 5, 7), наиболее поздний относится к периоду III–II вв. до н. э. (рис. 1, 5). Основная масса изделий относится к IV–III вв. до н. э. Наиболее ранний крючок встречен в коллекции памятника Курмантау 8/9. Данное обстоятельство связано с тем, что здесь на южной оконечности ареала кара-абызской культуры местное оседлое население вступило в тесные контакты с кочевниками Южного Приуралья. Одним из ключевых обстоятельств возникшего взаимодействия стал центр металлообработки, приуроченный к горе Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан. Здесь кара-абызскими мастерами довольно интенсивно перенимались и переосмысливались образцы скифского и савроматского звериного стиля.

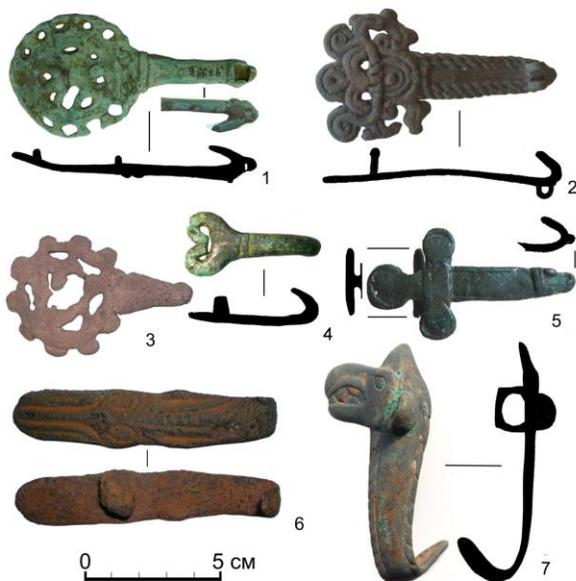

Рис. 5. Поясные крючки кара-абызской культуры единичных форм: 1 – Уфимский могильник, погр. 24; 2 – Охлебининский могильник, погр. 34; 3 – Шиповский КГМ, Гр. I, кург. 1, погр. 1; 4 – Уфимский могильник, погр. 19; 5 – Уфимский могильник, погр. 13; 6, 7 – Курмантау 8/9, пм; 1–5, 7 – бронза; 6 – железо

Однако большинство застежек-крючков, копирующих скифские образцы среднедонского типа, найдены в более северных памятниках кара-абызской культуры (Охлебино, Шипово, Биктимирово II)

³⁰ Савельев Н.С. Новые находки торовтики ранних кочевников Южного Урала с изображениями верблюдов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 127.

³¹ Там же. С. 129.

и могут быть датированы не ранее середины IV в. до н. э. и позже. Это говорит о том, что помимо южного пути предметы скифского звериного стиля проникали в ареал кара-абызской культуры и с севера, вероятно непосредственно с территории Среднего Дона. Этот путь маркируется находками предметов среднедонского типа на городище Грохань и Ананьинском могильнике в Нижнем Прикамье (рис. 1, 6, 7), из могильников Чурачики и Новомордово I в Среднем Поволжье (рис. 1, 8, 9). Реплики среднедонских образцов также известны в Среднем Прикамье на селищах Заюрчим I и Скородум (рис. 1, 10, 11). Наиболее северные образцы-подражания скифским образцам встречены в Шиховском могильнике в бассейне р. Печора в Северном Предуралье³².

Помимо зооморфных изображений, у предметов степного облика имелись характерные типы крепежа: т-образный штифт и скоба, развернутая вдоль оси крючка-застежки. Причем первый вариант характерен именно для крючков-застежек, служивших в том числе и в качестве поясных. Второй вариант, в нашем материале встречается реже (лишь два экземпляра) и связан скорее с предметами, относящимися к уздечным наборам, как например подвеска с изображением головы верблюда.

Примечательно, что в основном только крючки со «скифо-савроматскими» изображениями имеют в качестве крепежа т-образный штифт. Это четыре экземпляра с «медвежьими» изображениями, все экземпляры с кошачьими хищниками и один – с изображением «фантастического хищника». Изделия местного характера, где первоначальные образы сильно трансформируются, в качестве крепежа, в большинстве случаев имеют две скобы, развернутые поперек оси крючка-застежки. Вероятно, таким образом достигалась более прочная фиксация застежки на ремне. Этот способ крепления появляется уже на изделиях ананьинского периода³³. Данный факт еще раз подтверждает, что в скифское время в среде лесостепного населения Предуралья металлические крючки-застежки применялись несколько иначе, нежели в культурах скифского круга.

В среде населения кара-абызской культуры в скифское время (V–III вв. до н. э.) практиковалось применение металлических поясных застежек-крючков, в основном как принадлежность женского костюма. Образцы этих изделий были заимствованы из скифской среды Среднего Дона, как через посредство ананьинского наследия, так и на прямую, также и из савроматской среды Южного Приуралья, а также пока неизвестного ареала. Местными мастерами изготавливались как копии с импортных образцов, так и оригинальные вещи. К последним можно отнести застежки с сильно стилизованным изображением «фантастического хищника», заимствованным из среднедонского бестиария. Причем был переработано не только изображение на щитке крючка, но и сама конструкция, в частности крепеж. Последнее связано со способом применения крючков как поясных застежек, требующего более прочного крепления к ремню.

³² Васкул И.О. Указ. соч. Рис. 13, 11.

³³ Напр. см. Гуляев В.И. Указ. соч. Рис. 38.

Список сокращений

БАССР	Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БФАН СССР	Башкирский филиал Академии наук СССР
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИИЯЛ	Институт истории, языка и литературы, Уфа
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	Новосибирский государственный университет
РА	Российская археология
УрО РАН	Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург

Библиография:

- Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Первый Мурзихинский могильник // Проблемы Среднего Поволжья / Сост. С.И. Валиуллина. Казань: Казанский университет, 1991. С. 20–39.
- Васкул И.О. Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. 52 с. (Научные доклады. Коми научный центр УрО РАН. Вып. 451).
- Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 530 с.
- Воробьева С.Л. Металлообработка эпохи раннего железа по материалам исследований металлургического комплекса горы Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 341–351.
- Головченко Н.Н. Проблемы типологии и интерпретации поясных крючьев эпохи раннего железа юга Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. № 3: Археология и этнография. 2018. С. 32–38.
- Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С. 109–127. (МИА. № 151).
- Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.
- Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983. 224 с.
- Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1 (21). С. 77–83.
- Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 182–187.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. 5 / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.

Савельев Н.С. Новые находки торовтики ранних кочевников Южного Урала с изображениями верблюдов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 126–131.

Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА. 2001. № 4. С. 153–161.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Под ред. А.П. Смирнова, Р.Г. Кузеева. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 58–87.

Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.

Bibliography:

Begovatov E.A., Markov V.N., Patrushev V.S. Pervyj Murzihinskij mogil'nik // Problemy Srednego Povolzh'ya / Sost. S.I. Valiullina. Kazan': Kazanskii universitet, 1991. S. 20–39.

Golovchenko N.N. Problemy tipologii i interpretacii pojasnyh kryuch'ev epohi rannego zheleza yuga Zapadnoj Sibiri // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 17, No 3: Arheologiya i etnografiya. 2018. S. 32–38.

Gulyaev V.I. Zoomorfnye kryuchki skifskogo perioda // Naselenie srednego Dona v skifskoe vremya. M., 1969. S. 109–127. (MIA. No 151).

Gulyaev V.I. Zoomorfnye metallicheskie kryuchki skifskogo vremeni v Evrazii: Katalog i opisanie. M.: IA RAN, 2016. 104 s.

Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya. Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2015.

Korol'kova E.F. Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (7–4 vv. do n. e.). Problemy stilya i etnokul'turnoj prinadlezhnosti. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 272 s.

Maksimenko V.E. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu. Rostov-na-Donu: Rostovskii universitet, 1983. 224 s.

Ol'hovskii V.S. O pojasnyh kryuchkah epohi rannego zheleza // Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ya. Zaporozh'e, 1999. S. 182–187.

Ovsyannikov V.V. K voprosu o proiskhozhdenii syuzheta „medved' v zhertvennoj poze” // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Vyp. 1 (21). S. 77–83.

Pshenichnyuk A.H. Kara-abyzskaya kul'tura (naselenie central'noj Bashkirii na rubezhe nashei ery) // Arheologiya i etnografiya Bashkirii. T. 5 / Pod red. N.V. Bikbulatova, R.G. Kuzeeva, N.A. Mazhitova. Ufa: IYAL BFAN SSSR, 1973. S. 162–243.

Pshenichnyuk A.H. Novye materialy s poselenii Gafurijskogo raiona // Poseleniya i zhilishcha drevnih plemen Yuzhnogo Urala / Pod red. A.H. Pshenichnyuka, V.A. Ivanova. Ufa: BFAN SSSR, 1983. S. 77–103.

Savchenko E.I. „Zabytyi” kurgan iz raskopok P.D. Liberova // RA. 2001. No 4. S. 153–161.

Savel'ev N.S. Novye nahodki tоровтики ранних кочевников Южного Урала с изображениями верблюдов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с

mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii / Otv. red. A.D. Tairov. Chelyabinsk: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Yuzhnogo Urala, 2017. S. 126–131.

Vasil'ev St.A. Iskusstvo drevnego naseleniya Volgo-Kam'ya v anan'inskuyu epohu (istoki i formirovanie). Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2002. 530 s.

Vaskul I.O. Shihovskii mogil'nik rannego zheleznogo veka (pervye rezul'taty issledovaniy). Syktyvkar, 2002. 52 s. (Nauchnye doklady. Komi nauchnyj centr UrO RAN. Vyp. 451).

Vorob'eva S.L. Metalloobrabotka epohi rannego zheleza po materialam issledovaniy metallurgicheskogo kompleksa gory Kurmantau v Gafurijskom rajone Respubliki Bashkortostan // SCYTHIA et SARMATIA / Otv. red. A.A. Malyshev. M.: MAKS Press, 2019. S. 341–351.

Yablonskij L.T. Na vostoke skifskoi oikumeny. M.: Grifon, 2017. 400 s.

Yusupov G.V. Drevnejshie poseleniya Gafurijskogo rajona BASSR // Bashkirskii arheologicheskii sbornik / Pod red. A.P. Smirnova, R.G. Kuzeeva. Ufa: IYAL BFAN SSSR, 1959. S. 58–87.